

Александр Солженицын

Стремя «Тихого Дона»

В невыносимой плотности нашего движения, под гнетом потаенности и опасностей, когда большинство участников еще и работало на казенной службе, когда не яблоку, но подсолнечно-му семечку некуда было упасть, найти себе свободную выщербинку, – кажется, уже ничто постороннее не могло отвлечь наши силы и интерес. А нашлось такое. И нашлись для него и силы, и время.

Это было – авторство «Тихого Дона». Усумниться в нем вслух – десятилетиями была верная Пятьдесят Восьмая статья. После смерти Горького Шолохов числился Первым Писателем СССР, мало что член ЦК ВКП(б) – но живой образ ЦК, он как Голос Партии и Народа выступал на съездах партии и на Верховных Советах. Элементы этой нашей новой работы сходились, сползались с разных сторон – непредумышленно, незаказанно, несвязанно. А попадая к нам, в межэлектродное узкое пространство – воспламенились.

Сама-то загадка – у нас на Юге кому не была известна? кого не занозила? В детстве я много слышал о том разговоров, все уверены были, что – не Шолохов писал. Методически никто не работал над тем. Но до всех в разное время доходили разного объема слухи.

Меня особенно задел из поздних: летом 1965 передали мне рассказ Петрова-Бирюка за ресторанным столом ЦДЛ: что году в 1932, когда он был председателем писательской ассоциации Азово-Черноморского края, к нему явился какой-то человек и заявил, что имеет полные доказательства: Шолохов не писал «Тихого Дона». Петров-Бирюк удивился: какое ж доказательство может быть таким непроверяемым? Незнакомец положил черновики «Тихого Дона», – которых Шолохов никогда не имел и не предъявлял, а вот они – лежали, и от другого почерка! Петров-Бирюк, что б он о Шолохове ни думал (а – боялся, тогда уже – его боялись), – позвонил в отдел агитации крайкома партии. Там сказали: а пришли-ка нам этого человека, с его бумагами. И – тот человек, и те черновики исчезли навсегда. И самый этот эпизод, даже через 30 лет, и не задолго до своей смерти, Бирюк лишь отпьяну открыл собутыльнику, и то озираясь.

Больно было: еще эта чисто гулаговская гибель смелого человека наложила на столь подозреваемый плагиат? А уж за несчастного заклятого истинного автора как обидно: как все обстоятельства в заговоре замкнулись против него на полвека! Хотелось той мести за них обоих, которая называется возмездием, которая есть историческая справедливость. Но кто найдет на нее сил!

Я не знал, что тем же летом 1965 в застоявшееся это болото еще бросили смелый бульжничок один: в моем далеком Ростове-на-Дону напечатана статья Моложавенко о Ф.Д.Крюкове.

А Дон был не только детским моим воспоминанием, но и неперменной темой будущего романа. Через «Донца» (Ю.А.Стефанова) он лился густо мне под мельничное колесо, Ю.А. все нес и нес, все исписывал, исписывал для меня простыни листов своим раскорячистым крупным почерком. Он же первый и рассказал мне о статье Моложавенко и немного рассказал о Крюкове – я о нем в жизни не слышал раньше.

А совсем в другом объеме жизни, самом незначительном, где распечатываются бандероли с подарочными книгами, пришла работа о Грибоедове с надписью от автора Ирины Николаевны Медведевой-Гомашевской. «Горе от ума» я очень любил, и исследование это оказалось интересным.

А совсем по другой линии, в переброшенных и напористых рассказах и письмах Кью, тоже стала Ирина Николаевна выплывать: то как ее подруга студенческих лет, то как и нынешняя ленинградская подруга (месяца на четыре зимних она приезжала в Ленинград, остальные в Крыму), и всегда – как женщина блистательного и жесткого ума, и литературовед даровитый, в цвет своему умершему знаменитому мужу, с которым вместе готовила академическое издание Пушкина.

Знакомство наше произошло, вероятно, в зиму на 1967, И.Н. было уже под 65. Я собирал материалы для «Архипелага», Ирина же Николаевна была свидетельница высылки татар из Крыма. И у нее в кабинете странноватого писательского дома в Чебоксарском переулке (близ Спасана-Крови) мы просидели часа три, в кабинете со множеством книг – не по стенам только, но серединными полками, как в библиотеке. Один вид корешков показывал тут устойчивую давнюю культуру. Я записывал о Крыме 1944 года, потом неожиданно – о раскулачивании в 1930, затем и деревенские новгородские истории 20-х годов (оказалось, девушкой из самого образованного круга И.Н. вышла замуж за простого новгородского мужика Медведева и хорошо-

хорошо жила с ним, так что даже за вторым прославленным мужем не хотела упустить фамилии первого); затем – поразительные, но вовсе не чернящие сведения об аракчеевских поселениях (в каких местах и жила она). Проявился и суровый характер И.Н. Прозвучала и тоска по гражданской прямоте, которой лишено было все ее поколение. Потом знакомился я с ее дочерью-архитектором, и чего только мало было за весь визит – это литературных разговоров, и уж совсем ни слова о Шолохове, ни о донской теме.

Ум И.Н. действительно лился в речи, выступал из постаревших резковатых черт темноватого лица, – ум строгий, мужской. Она радушно меня принимала, и звала вот в этом ленинградском кабинете без нее работать, и в Гурзуф приезжать к ней работать (Крым она очень любила, написала и книгу о нем – «Таврида»); радушно, – а расположение не устанавливалось легко. Она была – твердый, властный человек, и это оттесняло остальное.

Прошел год – прислала мне славную фотографию своей гурзуфской дачи на горе, и кипарисы вокруг. Фотография эта меня долго манила: кусочек свободного ласкового края, как я ни когда не успеваю жить, – и там меня ждут, и там можно бы начать мое Повествование, к которому я продирался, продирался годами, вот-вот уже начну. Начинать – для этого и хорошо обновить все условия?

И в марте 1969 я поехал к И.Н. начинать «Красное Колесо». Это – ошибка была: начинать, да еще чрезмерно трудное, неподъемное, надо именно на старом привычном месте, чтобы никакие трудности не добавились, кроме самой работы, – а я понадеялся, наоборот, в новых условиях на новое настроение. Привыкнуть я там не мог, ничего не сделал, в три дня и уехал. Еще стеснительно было для таких усидевшихся по своим берлогам своенравных медведей, как мы с И.Н., оказаться под одной крышей: она пыталась быть хозяйкой, я – через силу принимать гостеприимство, уставали мы быстро оба. Из работы не вышло ничего, и Крыма я смотреть не хотел ни минуты, рвался к работе, скорей и уехать. А все событие истинное случилось на ходу: встретились меж комнат на веранде и стоя поговорили несколько минут, но – о «Тихом Доне». Не я ей – она мне сказала о статье Моложавенко, и какой на нее ответ грозный был из Москвы. И, конечно, мы оба несколько не сомневались, что не Шолохов написал «Тихий Дон». А я сказал – не ей первой, и не первый раз – то, что иногда говорил в литературных компаниях, надеясь кого-то надоумить, увлечь: доказать юридически, может быть, уже никому не удастся – поздно, потеряно, тем более открыть подлинного автора. Но что не Шолохов написал «Тихий Дон» – доступно доказать основателю литературоведу, и не очень много положив труда: только сравнить стиль, язык, все художественные приемы «Тихого Дона» и «Поднятой целины». (Что и «Поднятую» писал, может быть, не он? – этого уж я достичь не мог!) Сказал – не призвал, не настаивал (хотя надежда промелькнула), сказал – как не раз говорил (и всегда бесполезно: всем литературоведам нужно кормиться, а за такую работу еще голову оттяпают). Мелькучий такой, без развития был разговор, не в начале и не в конце моего трехдневного житья.

Вскоре затем (не льщу себя, что – вследствие, потому что и в первых ее словах уже была задетость этой литературной тайной, а просто – доработалось к тому ее настроение), – решила И.Н. переступить через каторжную свою подчиненность второстепенным работам для заработка (не столько для себя, сколько для детей, уже взрослых), – и вскоре затем дала знать через Кью, что решила приступить к работе о «Тихом Доне». Спрашивала первое издание романа, его трудно найти, и кое-что по истории казачества, – ведь она несколько не была знакома с донской темой, должна была прочесть много книг, материалов по истории и Дона, и Гражданской войны, и донские диалекты, – но ей самой из библиотек спрашивать было ничего нельзя – обнаружение! С первого шага требовалась опять чертова конспирация. А часть книг – вообще из-за границы, из наших каналов.

И работа началась. И кого ж было просить снабжать теперь «Даму» (раз конспирация, так и кличка, ведь ни в письмах, ни по телефону между собой нельзя называть ее имя) всеми справками и книгами, если не Люшу Чуковскую опять? Ведь Люша всякий новый груз принимала, – и теперь вот еще одна ноша поверх, увесистая.

Казачья тема была Люше совсем чужда, но и для этой чуждой темы она бралась теперь делать всю внешнюю организацию, так же незаменимую Ирине Николаевне, как и мне, из-за невылазного образа нашей жизни. Навалилось так, что и для Дамы Люша выполняла теперь – то в Ленинград, то в Крым, не близко – всю снабдительную и информационную работу. Правда, это оказалось смягчено принадлежностью И.Н. к тому же литературному московско-ленинградскому кругу, где Люша выросла, да больше: И.Н. хорошо помнила ее покойного отца и саму ее девочкой, это сразу создало между ними сердечные отношения. Взясась Люша – с прилежностью, с находчивостью, с успехом. Без нее книга «Стремя» не появилась бы и такая, как вышла.

И тут же произошло скрытое чудо. Надо было начаться первому движению, надо было первому человеку решиться идти на Шолохова – и уже двигались и другие элементы на взрывное соединение. Подмога подоспела к нам через Мильевну с ее вечно легкой рукой. Дочь подруги ее детства, Наташа Кручинина («Натаня» называли мы ее, многовато становилось среди нас Наташ), ленинградский терапевт, оказалась в доверии у своей пациентки Марии Акимовны Асеевой. И та открыла ей, что давно в преследовании от шолоховской банды, которая хочет у нее вырвать заветную тетрадочку: первые главы «Тихого Дона», написанные еще в начале 1917 года в Петербурге. Да откуда же?? кто? А – Федор Дмитриевич Крюков, известный (??– не нам) донской писатель. Он жил на квартире ее отца горняка Асеева в Петербурге, там оставил свои рукописи, архив, когда весной 1917 уезжал на Дон – временно, на короткие недели. Но никогда уже не вернулся, по развороту событий. Сходство тетрадки с появившимся в 20-е годы «Тихим Доном» обнаружил отец: «Но если я скажу – меня повесят». Теперь М.А. так доверилась Натане, что обещала ей по наследству передать эту тетрадку – но не сейчас, а когда умирать будет.

Это был конец 1969 года. Новость поразила наш узкий круг. Что делать? Оставаться безучастными? невозможно; ждать годы? – безумно – уж и так больше сорока лет висело это злодейство, да может и допугают Асееву и вырвут тетрадку? И – так ли? Своими глазами бы убедиться! И – что там еще за архив? И – от чьего имени просить? Называть ли меня? – облегчит это или отяжелит?

Самое правильное было бы – ехать просто мне. Но у меня - разгар работы над «Августом», качается на весах – сумею ли писать историю или не сумею? оторваться невозможно. Да я и навести могу за собою слежку. (Как раз были месяцы после исключения из СП и когда мне уезжать из страны намекали.)

Тогда надо было бы догадаться – послать человека донского (и был у нас Донец! – но он был крупен, заметен, говорлив, неосторожен, посылать его было никак). Вызвалась ехать Люша. Это была – ошибка. Но мы и Акимовну саму еще не представляли. Надеялась Люша, что марка Чуковских вызовет и достаточно доверия и недостаточно испуга. Может быть. (Как выяснилось, моей фамилии Акимовна почти и не знала в тот год, лишь позже прочла кое-что.) Люша вернулась и безуспешно и безрадостно: женщина де – капризная, сложная, договориться с ней вряд ли возможно, хотя открытую часть крюковского архива готова была бы, кажется, передать на разборку, 50 лет это почти не разбиралось, ее тяготит. Решили мы снарядить вторую экспедицию: Диму Борисова. Вот с него-то, наверно, и надо было начинать. Он был хотя не донец, но сразу вызвал доверие Акимовны, даже пели они вместе русские песни, и склонил он ее – архив передать нам. Но само взятие – не одна минута, набиралось три здоровенных рюкзака, понадобилась еще третья экспедиция – Дима вместе с Андреем Тюриным. Привезли – не в собственность, а на разборку – весь оставшийся от Крюкова архив. А тетрадочку, мол, – потом... Мы уж и не настаивали, мы и так получали богатство большое. Это был – и главный, и, вероятно, единственный архив Крюкова. Позже того следовали у автора – три смятенных года и смерть в отступлении белых.

Имея большой опыт содержания архива своего деда, Люша предполагала, что и этому архиву даст лад. Но – лишь самая внешняя классификация оказалась ей под силу. Это был архив – совсем непохожий, не привычная литературная общественность и не привычные темы в нем: и имена, и места, и обстоятельства все неясные, да еще при почерке не самом легком.

Но тут-то и вступил в работу – Донец! Уж он-то – как ждал всю жизнь этого архива, как жил для него. Накинулся. Как всегда, не зная досуга и воскресений, и себя не помня, – он за год сделал работу троих, до подробностей (еще многое выписывая себе), и представил нам полный обзор структуры и состава. (Все это требовало многих встреч и передач. Архив был сперва у Гали Тюриной, потом частью перевозился к Люше, помалу относился к Донцу и обратно, частью отступил потом к Ламаре (на бывшую «бериевскую» квартиру) – ведь мы и тут должны были скрываться по первому классу, и открытой конторы не было у нас никогда.)

По мере того как материалы открывались – все, что могло пригодиться Даме, надо было предлагать Даме (а она больше была в Крыму, не в Ленинграде, а наши материалы не для почты). А что-то надо было и мне – как собственно донская тема и свидетельство очевидца незаурядного. (А я – и принять уже не мог. Я так был полон налитым, что потерял способность абсорбции. И интересно было в Крюкова вникнуть, и уже не помещалось никуда. Люше пришла счастливая мысль, сразу мною принятая: Крюкова – автор ли он «Тихого Дона», не автор – взять к себе персонажем в роман – так он ярок, интересен, столько о нем доподлинного материала. Какой прототип приносит с собой столько написанного?! Я – взял, и правда: для сколького еще место

нашлось! И как потяжливо: в донскую тему войти не собственной неопытностью, но – через страдавшего дончака.)

Ирина Николаевна получала свежие донские материалы – гипотеза у нее вырабатывалась. В зимний приезд, наверное в начале 1971, она привезла с собой три странички (напечатанные как «Предполагаемый план книги»), где содержались все главные гипотезы: и что Шолохов не просто взял чужое, но – испортил: переставил, изрезал, скрыл; и что истинный автор – Крюков.

Да, в этом романе – и нет единой конструкции, соразмерных пропорций, это сразу видно.

Вполне можно поверить, что управлялся не один хозяин.

У И. Н. даже и по главам намечалось отслоение текста истинного автора. И даже взята была задача: кончить работу воссозданием изначального текста романа!

Могучая была хватка! Исследовательница уже вначале захватывала шире, чем ждали мы. Да только здоровья, возраста и времени досужного не оставалось у нее: опять надо было зарабатывать и зарабатывать. А мы – сами сидели без советских денег, от валютных же переводов от подставных лиц с Запада И. Н. отказалась, и мы не сумели в 1972 – 73 годах освободить ее от материальных забот. А то бы, может быть, далеко шагнула бы ее книга.

Поначалу вывод, что автор «Тихого Дона» – мягкий Крюков, разочаровывал. Ожидалась какая-то скальная трагическая фигура. Но исследовательница была уверена. И я, постепенно знакомясь со всем, что Крюков напечатал и что заготовил, стал соглашаться. Места отдельные рассыпаны у Крюкова во многих рассказах почти гениальные. Только разводнены пустоватыми, а то и слащавыми соединениями. (Но слащавость в пейзажах и в самом «Тихом Доне» осталась.) Когда ж я некоторые лучшие крюковские места стянул в главу «Из записок Федора Ковынева» – получилось ослепительно, глаз не выдерживает.

Я стал допускать, что в вихревые горькие годы казачества (а свои – последние годы) писатель мог сгуститься, огоркнуться, подняться выше себя прежнего.

А может быть это – и не он, а еще не известный нам.

Из разработанного архива, по желанью Марьи Акимовны, наименее ценную часть мы сдали (подставив бойкую Мильвену) в Ленинскую библиотеку и полученные 500 рублей переслали Акимовне. Эта сдача была промах наш: и – мало нам дали, неловко перед Акимовной, и – раскрыли мы след, что где-то около нас занимаются Крюковым. Но: давили нас объемы и вес, дергать-то было трудно, негде.

В июне 1971 я был в Ленинграде и пришел к М. А. Встреча у нас была хорошая. Акимовна оказалась женщиной твердой, по-настоящему несгибчивой перед большевиками, не простившей им ничего, и ни болезни, ни семейные беды (бросал ее муж) не ослабили ее волю. Она действительно хотела правды о Доне, и правды о Крюкове. Пили у нее донское вино, ели донской обед, – мне казалось, она и в мою надежность поверила. А я – поверил в ее тетрадку, что есть она. Только оставалось – привезти ее из-за города, из Царского Села, «от той старухи, которая держит» (потому что к самой М. А., как слушка когда-то не удержала, являются де от Шолохова то с угрозами, то с подкупом). Обещала – достать к моему отъезду.

Однако не достала («Старуха не дает»). Пожалел я. И опять засомневался: может, нет тетрадки? Но зачем тогда так морочить? Не похоже.

Еще одной женщине, Фаине Терентьевой, знакомой по амбулатории, – не равноопаслива была М. А. в доверенностях! – она даже рассказала, как уже хотела мне отдать тетрадочку, да побоялась: ведь я – под ударом, ведь за мной следят, отнимут тетрадку. Роковая ошибка! – хотя и взвесить ей трудно: где опасней? где безопасней, правда? Роковая, потому что мы бы дали фотокопии в публикацию вместе с образцами крюковского почерка, и если бы наброски реально подходили б на начало «Тихого Дона», – Шолохов был бы срезан начисто, и Крюков восстановлен твердо. А теперь М. А. осталась зажата со своей тетрадкой и рада б ее кому протянуть, – поздно: понимая вес доказательства, могучее Учреждение сменило соседей М. А. по коммунальной квартире (точно как с Кью!), поселило своих, и теперь, по сути, Акимовна – в тюрьме, каждый шаг ее под контролем. – Это закончание истории я узнал от Фаины Терентьевой в июле 1975 года в Торонто, куда она эмигрировала и написала мне: давала мне М. А. тетрадку, я побоялась взять, как теперь вызволить?..

Никак. Только если М. А. не сойдет с ума в осаде, сумеет выстоять еще годы и годы*

Ну что ж, не получили тетрадки – ждали самого исследования. Однако оно шло медленно:

---

*Теперь умерла и Марья Акимовна. Не знаю: унесла ли с собой тайну или и не было ее. (Примеч. 1986)

завалена была И. Н. скучной, утомительной, но кормящей договорной работой. При проезде Москвы она видалась со мной и с Люшей, давала мне читать наброски глав, Люша (или Кью в Ленинграде) перепечатывала их с трудного почерка, со множества вставок, – чужому ведь и дать нельзя.

Последний раз мы виделись с И. Н. в марте 1972 – в Ленинграде, снова в том кабинете, где познакомились и где она предлагала мне работать. (Теперь так стусились времена – отягочительно было, что я в дверях натолкнулся на какую-то писательскую соседку, могла узнать, могло поплыть – что мы связаны. Плохо.) Болезнь резче проступила в чертах И. Н., но держалась она несокрушимо, крепко, по-мужски, как всегда. Сама начала такой монолог: что она будет отвечать, если вот придут и найдут, чем она занимается. (Я-то и забыл о такой проблеме, все черты давно переступив, а ведь каждому достается когда-то первую переступить – и как трудно.) Готовилась она теперь отвечать – непреклонно и в себе уверенно. Не подписывала она петиций, ни с кем не встречалась, – в одинокой замкнутости проходила свой путь к подвигу.

Незадолго до всей развязки все та же Мильевна подбросила нам еще поленца в огонь. Настояла, чтоб я встретился со старым казаком, хоть и большевиком, но также и бывшим эком, – он хочет мне дать важные материалы о Филиппе Миронове, командаре 2-й Конной, у кого был комиссаром полка. Я пришел. Оказалось, недоразумение: С. П. Стариков собрал (в доверии у властей, из закрытых архивов) много вопиющих материалов – не только о своем любимом Миронове, кого загубил Троцкий, но и об истреблении казачества большевиками в Гражданскую войну. Хотел же он увековечить Миронова отдельной книгой, да написать ее сам не мог. И вот теперь предлагал мне без смеха: работать у него «негром»: обработать материалы, написать книгу, он ее подпишет, издаст, а из гонорара со мной расплатится. Я сказал: отдайте мне материал – и Миронов войдет в общую картину эпохи, все постепенно. Нет. Так бы недоразумением и кончилось. Но уже расставаясь, поговорили о смежном, и оказалось: Миронов – одностаничник и лучший друг Крюкова в юности, и сам Стариков из той же станицы Усть-Медведицкой, и не только не сомневается, что Шолохов украл «Тихий Дон» у Крюкова (Шолохова в 15 лет он видел в Вешенской совсем тупым неразвитым мальчишкой), но даже больше знает: кто «дописывал» «Тихий Дон» и писал «Поднятую целину», – опять-таки не Шолохов, но тесть его Петр Громославский, в прошлом станичный атаман (а еще перед тем, кажется, дьякон, снявший сан), но еще и литератор; он был у белых, оттого всю жизнь потом затаясь; он был близок к Крюкову, отступал вместе с ним на Кубань, там и похоронил его, завладел рукописью, ее-то, мол, и дал Мишке в приданое вместе со своей перестаркой-дочерью Марией (жениху было, говорил, 19 лет, невесте – 25). А после смерти Громославского уже никак не писал и Шолохов*.

Переговоры мои со Стариковым вспыхнули еще раз в последние месяцы, в грозную для нас осень 1973. Сообщила Мильевна: Старков умирает, хочет мне все отдать, просит приехать скорей. Я приехал. Нет, от сердечного припадка оправясь, он не слишком готовился к смерти, но возобновил со мной те же занудные переговоры. Я – о своем: дайте мне использовать мироновские материалы в большой эпопее. Он, уже предупрежден и насторожен: вы, говорят, советскую историю извращаете. (Это – Рой Медведев и его коммунистическая компания: ведь старик-то в прошлом большевик! Почти тут же вослед он отдаст все материалы Рою, так и возникнет книга того о Доне, о которой Рой за прежнюю жизнь, может быть, и пяти минут не думал.) Все же согласился Стариков дать мне кое-что на короткое время взаймы. Куй железо, пока горячо! Надо – хватать, а кому брать? Много ли рук у нас? Аля – с тремя младенцами на руках. Все та же Люша опять, едва оправясь, не до конца, от своего сотрясения при автомобильной аварии. Она поехала к Старикову, с важным видом отбирала материалы, не давая ясно понять, что нас интересует, он ей дал на короткий срок, потом позвонил, еще укоротил, – пришлось сперва на диктофон, двойная работа, – уж Люша гнала, гнала, выпечатывала (ксерокопия ведь у нас недоступна!). Материал был, действительно, сногшибательный. Но и Стариков на пятки наседал: спохватился и требовал – вернуть, вернуть! (А когда уже выслали меня – приходил к Але и настаивал взятые выписки тоже ему вернуть: откроются на границе, а кто брал из тайных архивов? – Стариков.) В общем, на историю поработал Сергей Павлович, молодец, молодец!

*Громославский еще жив был в 50-е годы, тогда-то и появилась 2-я книга «Поднятой целины», а после смерти Громославского за 20 лет Шолохов не выдал уже ни строчки. Я указывал на это в статье о «Поднятой целине» – «По донскому разбору» («Вестник РХД», № 141, 1984), где заодно ответил и на смехотворный «компьютерный анализ» норвежского слависта Гейра Йетсо и его коллег, пытавшихся через компьютер доказать авторство Шолохова. (Примеч. 1986)

В ту осень сгрудилось все: провал «Архипелага» – и встречный бой – и смерть Кью – и тревога, что Кью могла открыть всю линию «Тихого Дона» (Ирину Николаевну она видела в Гурзуфе, последняя из нас, – да ведь как! Таскала к И. Н. и того «поэта Гудякова», прилипшего к ней в Крыму, и это могло стать роковой наводкой).

Ирина Николаевна, тем летом только что прошедшая свое 70-летие вместе с дочерью и сыном, в начале сентября после их отъезда одна в Гурзуфе – услышала по западному радио о провале «Архипелага» и смерти Е. Д., и случился у нее инфаркт. (Мы не знали.) Но, при железном ее характере, вывод она сделала: не прятать рукописей и не прекращать работу, но напротив: собрать силы и доканчивать! С несравненной волей своей именно сейчас, когда она лежала пластом, когда для нее был труд – протянуть руку за книгой, – теперь-то она и работала, и навестывала в тайном труде. На сентябрь звала к себе в гости Люшу – значит, усиленно помогать. Но Люша едва держалась на ногах сама после аварии. Так еще и эта катастрофа помешала окончанию «Стрени».

Именно и опасаясь, что Кью на допросах рассказала о работе И. Н. и ту захватят над рукописями, Люша теперь попросила Екатерину Васильевну Заболоцкую, 60-летнюю вдову поэта, которая хорошо знала И. Н., – ехать к ней, помочь, увезти бумаги из дому. Е. В., покинув четырех внуков, с решимостью тотчас полетела в Крым. Она и застала Ирину Николаевну после инфаркта, но не прекращающую работу, – и осталась при ней, ухаживать. И прожила там месяц, пока нужды внуков не вызвали ее вернуться в Москву. Она привезла долю работы И. Н.

Дочь И. Н. из Ленинграда наняла в Гурзуфе к матери приходящую медсестру. Был, разумеется, и приходящий врач. И. Н. по телефону тревожилась, цела ли ее ленинградская квартира (...нет ли обыска?).

И тут – известие о смерти Ирины Николаевны. Е. В. Заболоцкая сама предложила: снова лететь в Гурзуф, спасти остатки рукописей, которые она просила врача взять к себе в случае смерти И. Н. В той тревожной обстановке, для безопасности, надо было ехать вдвоем. С кем же? Спутницей для Заболоцкой взялась быть всегда подвижная Н. И. Столярова. (Предстояла неизбежная ночевка в Симферополе, а в такое время невозможно было им зарегистрироваться в гостинице, да в гостиницах и мест нет, вот еще постоянное осложнение конспираций под коммунизмом. Я вспомнил дом в Симферополе, где мы с Николаем Ивановичем когда-то жгли «Круг первый», написал записку наудачу. Переночевать пустили, хотя изумились, строго записали их фамилии, потом говорили Николаю Ивановичу; но так и не узнали Зубовы – кто ездил, зачем; хлестнул к ним от меня 20-летний дальний хвост тайных затей, когда-то начинаемых сообща.) А съездили –

зря: врач ничего им не передал, а неясно говорил, что был поджог сарая близ дачи И. Н., и вообще есть вещи, о которых он не может рассказать. Обстоятельства смерти И. Н. остались загадочны для нас. Так и не уверены мы, что имеем все написанные фрагменты ее работы.

Итак, что получили прежде – то и пошло в пополнение книги. Совсем немного. За два года мало исполнилось из первоначального четкого смелого плана И. Н. Если бы Люша была здорова и поехала бы в сентябре – может быть, успели бы еще главы две вытянуть из неразборных черновиков. Нет, заколдован был клад «Тихого Дона»*.

Так налегла на нас – трудным долгом – вся эта боковая донская линия, что и последние месяцы, сами перед петлей, мы дотягивали и дотягивали ее. То привезли к нам из Риги хорошие фотоконии всего первейшего издания «Тихого Дона», которое в последующие годы полномочные редакторы сильно исчеркали, в 10 перьев (даже, говорят, и Сталин правил сам; на издании 1948 г. замечание: «под наблюдением редактора Чурова Г. С.»; говорят, будто это и есть Сталин). То – дорабатывал я свое предисловие к «Стрени», уж в самые последние дни перед высылкой, в Переделкине. То – компоновал страничку публикации из разных обрывчатых записей И. Н. (Из Дона и из Дамы составил я для исследователя эту букву Д* – Ирина Николаевна выбирала псевдоним из моего списка донских фамилий, но так и не выбрала.)**

*В 1988-89 в израильском журнале «22» (№№60 и 63) опубликовано исследование Зеэва Бар-Селла «Тихий Дон» против Шолохова, очень убедительный текстологический анализ, – то самое, что и ожидалось давно. (Примеч. 1990)

** Мы, в интересах детей И. Н., должны были еще 15 лет скрывать имя автора, давая повод насмешкам, что я этого Д* сам придумал. А в 1989 из письма д-ра филологических наук В. И. Баранова в «Книжное обозрение» я узнал: когда в 1974 вышла книга «Стрени» – в СССР готовили громкий ответ. Сперва поручили К. Симонову дать интервью журналу «Штерн» (ФРГ), он это выполнил. Затем ждали: когда на Западе на него обратят внимание – тут и дать залп статьями в «Литгазете», «Вопросах литературы» и «Известиях». И статьи были написаны – но... на Западе симоновское интервью прошло без отклика. Приготовленные статьи все же напечатали – но как бы к 70-летию Шолохова, так и не коснувшись книги Д*. А ныне так пишут в советской прессе, что будто именно книга Д* сбила Шолохова и не дала ему кончить уже 30 лет длинный роман «Они сражались за Родину» – да так, что и ни строчки к начатой в войну книге не прибавилось. (Примеч. 1990)

Настойчивое чувство вошло в мою душу, что для сохранности надо полностью отделить архив Крюкова и все, что касается «Тихого Дона», ото всего моего имущества. И за 10 дней до высылки – пожалуй, последний визит, какой и сделал на родине, – была поездка к Елене Всеволодовне Вертоградской, за Крестьянскую заставу, где собрала она несколько молодых, и надо было решить, кто возьмет архив «Тихого Дона». Взялись Георгий Павлович и Тоня Гикало. И сразу вслед, за несколько дней, Саша Горлов, к тому времени уже изгнанный со всех работ, перебрал им архив Крюкова. Как раз успели! Арестованный, я знал, что этот архив – спасен.

В Москве у Ильи Обыденного служили панихиду по Ирине Николаевне. Мне – никак нельзя было появиться, Люша же с Зоей Томашевской открыто как бы дружила – и пошла. Но раньше того, от последней поездки к И. Н., передала она такую мечту: хотела И. Н., чтобы когда-нибудь кто-нибудь отслужил по ней панихиду в женевской Церкви Воздвижения, где когда-то ее крестили. Да кому ж поручить? Кто это когда попадет в Женеву? А сам же я – попал, вскоре...

Мы с Алей приехали в Женеву в октябре 1974, – правда, в вечер буднего дня, не должно было службы быть ни в этот день, ни в следующий, никакого праздника. Но пошли под дождем на дачу – к дверям прикоснуться. А за дверьми-то – поют. Мы вошли. Оказалось: завтра – отдание Воздвижения, именно здесь отмечается в связи с престолом!

Наутро после обедни архиепископ Антоний Женевский служил панихиду по нашей просьбе. Я написал: Ирина, Федор...

Каменная, приглядная, лепая церковь. Осеннее солнце просветило в окнах. Относило ладанный дым. Маленький хор пел так уверенно, так ретиво, это «со святыми упокой» – душу рвало из груди, я слез не мог удержать. Повторялись, повторялись имена их соединенно – возносил о них архиепископ, возносил хор. Сплелись их судьбы – злосчастного донского автора и его петербургской заступницы – над убийствами, над обманами, над всем угнетением нашего века.

Пошли им, Господи, рассудливой правды. Отвали давящий камень от их сердец.*

1974 – 1975

Цюрих

---

* А. Солженицын. «Бодался теленок с дубом», гл. 14 «Стремя “Тихого Дона”», ж-л «Новый мир», №12, 1991, стр. 69.